

НЕОБЫКНОВЕННОЕ, волнующее чувство овладело мной в Брестской крепости-герое. Святыне, легендами и былями овеянные места... Для каждого советского человека они родные и близкие. Но, думалось мне, ни один из тех, кто, как я, не бывал в героической цитадели раньше, не может знать о ней больше и лучше меня. И потому, что судьба подарила мне друга, товарища по перу...

А вот и он. Стою перед портретом Алеся Махнача в одном из залов музея обороны Брестской крепости. Портрет написан не так давно: седина припудрила виски Алеся; вокруг зорких и добрых глаз — морщинки. По его годам рано и этой седине, и морщинкам. Но годы годам — рознь...

В кинозале музея ждет меня новая встреча с Александром Ивановичем. На сей раз в документальном фильме, который воскрешает события тех далеких дней и ночей, когда все здесь рушилось под бомбами и снарядами. Ничто не могло устоять, ничто, кроме мужества советского человека!

К сожалению, на экране все тот же портрет Махнача и — ничего больше. Диктор сообщает: участник обороны крепости, командир стрелкового взвода...

Ах, как не хватает в этом фильме других кадров! Но кто и когда мог их сделать? Ну, хотя бы эти... Алесь вскочил с койки. Казарму трясло, как в лихорадке. Ничего нельзя было разглядеть. Наступал рассвет, стремительный рассвет середины лета.

Лишь по топоту ног и возбужденным голосам да по стуку и шуму опрокидываемой мебели он догадался, что никто уже в казарме не спал и творилось что-то невообразимое. Едкий густой дым не давал дышать. Клубами его полилась казарма. Не успевал он расшеиваться и выходить в распахнутые окна, сталкиваясь со встречными потоками гари и копоти.

За окнами еще раз грохнуло. Словно молния, сверкнул взрыв, и лейтенант Махнач увидел, наконец, свой взвод. Солдаты в нателеном белье, в чем легли спать накануне, метались по казарме. До винтовок в пирамиде мало кто добрался.

«Командир! Командир!» — раздавались голоса то с одной стороны, то с другой. «Командир, что это?», «Веди же нас, командир!». Голоса были искажены тревогой: кто мог ожидать такого пробуждения? Это его, Махнача, солдаты. Вот крикнул пожилой, годившийся ему, лейтенанту, в отцы. Сверхсрочник. Родом, кажется, из Костромы. А это — лихой запева, рабочий, которого ждут не дожидаясь дома, в Москве, жена и трехлетний сынишка... Там, дальше, — из нового пополнения. С ними, едва начавшими службу, и он, Махнач — выпускник пехотного училища — прибыл сюда, на границу, всего-навсего четыре дня назад...

Снова грохот и молния взрыва. Короткий и страшный всплеск. Прыжок через койку, над опрокинутыми табуретками. Еще прыжок — на тумбочку. Вот она, посредине помещения. Теперь его услышат, а когда вновь сверкнет огонь, то и увидят все. Услышат и увидят командира, не потерявшего голову в этом хаосе, способного выполнять свой долг. Так он хочет сделать. Так он обязан сделать немедленно!

По казарме носились осколки и пули, с потолка и стен сыпалась штукатурка. Взрывом распахнуло дверь. Немцы, уже ворвавшиеся в расположение крепости, поливали казарму огнем. Вдруг у са-

мых дверей вырос столб пламени. Вихрь осколков взвыл над головой Махнача, горячая волна воздуха плеснула в лицо, швырнула на пол.

На четвереньках лейтенант быстро пополз под нарами в противоположный угол, куда осколки падали не так часто. Там, с трудом переведя дыхание, он вспомнил, что, кроме него, в казарме нет командиров. Они все с вечера в городе. Значит, он обязан взять на себя командование ротой. Он и никто другой не отвечает сейчас здесь, в казарме, за то, как будет встречен враг. А немцы могут появиться в проеме дверей с минуты на минуту.

Первую свою не учебную, а на-

сдержат слезы, крик души. Беседа, казалось, не будет конца, вопросам Махначу — тоже.

Задали и такой вопрос (видно, седина моего друга прибавила ему лет в глазах его слушателей). Одна из женщин спросила: «А где находились ваши жена и дети, когда воевали в Бресте?» Алесь ответил шуткой: «Жен и детей имели многие мои солдаты. Мне же, восемнадцатилетнему, как вы понимаете, было рановато».

УЖЕ позднее прочитал я книгу «Мера мужества». Она открывалась очерком С. С. Смирнова о том, как молоденький лейтенант Алесь Махнач командовал ротой в бастиионе Бреста на рассвете 22 июня 1941 года. Очерк

го государства. А недавно в Москве на учредительном собрании Общества советско-алжирской дружбы был избран членом правления Общества «СССР—Алжир». Махнач еще и член Комитета солидарности писателей Белоруссии с борющимися Вьетнамом.

Я как-то поинтересовался почтой Алеся Махнача. Ничего удивительного нет в том, что к нему обращаются люди со всех концов страны. Пишут однополчане и бывшие узники фашистских концентрационных лагерей, мужчины и женщины, потерявшие на войне самых дорогих и близких, обращаются бывалые воины и молодые солдаты, комсомолцы и пионеры — искатели следов подвига. Важно другое: ни одно письмо не оставляет его равнодушным. На каждое он отвечает обстоятельно и тепло.

Казалось бы, станешь в тупик: ну, что ответить мальчику из далекого украинского села? Просит: «Пришлите револьвер и две-три немецкие каски, захваченные вами в Бресте. Они нужны для нашего школьного музея». На мой взгляд, Махнач ответил как нельзя лучше. Сообщил, что такой посылки по понятным причинам отправить не сможет, да это и ни к чему. Рекомендовал ребятам не увлекаться такого рода коллекционированием. Право же, будет куда более интересно и полезно приглядеться к своим землякам — бывшим фронтовикам и партизанам, узнать возможно больше об истории своего села в гражданскую и Великую Отечественную войны. «А разве не полезно в вашем музее, — писал Махнач, — устроить уголок, посвященный вчерашним школьникам, ныне призванным выполнять священный долг пехотинца, танкиста, моряка, летчика?».

...Инвалид Великой Отечественной войны А. И. Махнач здоровьем своим не может похвастать. Дают себя знать с таким трудом зарубцевавшиеся раны. Вновь и вновь сильные головные боли лишают возможности нормально работать. Это — следствие тяжелой контузии в твердыне над Бугом. А голод, холод, каторжный труд и издевательства фашистов в лагере смерти?

И ВСЕ ЖЕ мой друг полон энергии, увлечен своими писательскими замыслами, общественными обязанностями, поисками и находками ветерана войны, воспитателя молодежи на революционных и боевых традициях нашего народа.

Что он сейчас пишет?

Я не могу вспомнить ни одного выступления Махнача перед читателями, где бы он не рассказывал о самых юных защитниках Брестской крепости, воспитанниках полков ее гарнизона. Восторг, любовь и гордость звучали в этих рассказах. Мальчишки-герои с сердцами отважными и нежными, прекрасные гавроши наших дней незримо входили в притихший зал...

Александр Иванович давно собирался посвятить им пьесу. И вот написаны ее последние страницы. Это не однаактная миниатюра, а «полногабаритное» драматургическое произведение для театра юного зрителя. Пьеса называется «Гавроши Брестской крепости».

— Писал я ее, — рассказывает Махнач, — в репертуар минского ТЮЗа. Но вот пришла приятная для меня весточка из Ленинграда: тамошний ТЮЗ тоже заинтересовался моими «гаврошами».

Защитник легендарной цитадели и ныне в первой шеренге бойцов,

Аркадий ЭВЕНТОВ.

МОЙ ДРУГ Герои и подвиги АЛЕСЬ МАХНАЧ

стоящую боевую команду он подал, еще не выбравшись из-под нар:

— Рота-а! Я — лейтенант Махнач! Слушай мою команду! Все ко мне! Немцы идут...

ЭТО воспоминание я услышал от Александра Ивановича. И это было мне тем более неожиданно, что я хорошо знал, как он скуп на слова, когда речь заходит о его личном участии в войне. Не однажды убеждался я в этом, бывая на встречах Махнача с читателями, на литературных конференциях, беседах о его жизни и творчестве. Он всегда старался повернуть разговор к подвигам своих однополчан, к их мужеству, самопожертвованию, верности Родине. Нельзя без глубокого волнения слушать его рассказы о красоте их души, о настоящей, проверенной жестокими испытаниями, любви этих простых и изумительных людей к своим женам, детям, родителям. Чувствовалось: он благодарен судьбе за то, что она породила его с ними кровью, пролитой вместе на легендарных бастиионах у Буга.

Мне довелось бывать с Махначем в заводских цехах и рабочих общежитиях, в колхозах и совхозах, вузах, школах и воинских частях. Каждый раз он рассказывал что-то новое о своих фронтовых побратимах. Всегда был неиссякаем в воспоминаниях о них и чрезвычайно лаконичен, когда вопрос касался лично его. Так и на широкой аудитории, и с глазу на глаз.

А тут, в автомобиле, по дороге из глубинного совхоза, вдруг без всякого вроде бы повода разговорился и поведал свое личное...

Может быть, поводом явился сердечный прием, который оказали Махначу переполнившие совхозный клуб крестьяне, главным образом пожилые женщины? Многие из них не дождались с войны своих мужей и сыновей. Напряженное до предела, чуткое молчание зала прерывалось то тяжким вздохом, то слышным всем усилием

так и назван: «Слушай мою команду!».

— Сергею Сергеевичу я обязан, между прочим, и тем, что стал писателем, — вспоминает Махнач. — Он посоветовал мне взяться за перо, горячо поддержал первые мои пробы. О защите Брестской крепости, о тех, с кем я там рядом сражался, написано мной под непосредственным влиянием Смирнова — моего большого друга и наставника в литературном труде.

Алесь Махнач — драматург. Его перу принадлежит ряд пьес, среди которых особо популярны одноактные произведения для детей. Тут и героика Великой Отечественной войны, и очистительная гроза Октябрьской социалистической революции, и жизнь детворы сегодня, ее учеба в школе, в пионерском отряде. «Все идет в ногу» — так назвал Махнач сборник пьес, посвященных будням, боевой и политической учебе Советской Армии наших дней. К слову замечу, что Махнач всегда с радостью откликается на приглашения чашей и подразделений Белорусского военного округа.

— Моя самая любимая, самая чуткая аудитория, — говорит Александр Иванович. — Выступая перед солдатами и офицерами, испытываешь волнующее чувство удовлетворения и высокой ответственности.

Это — ответственность не только писателя, не только участника обороны Брестской крепости. Махнач посещает воинские части и по долгу члена Белорусского республиканского совета ветеранов войны. Любопытно, что он тут самый молодой, гораздо моложе многих генералов и офицеров.

Общественных обязанностей у моего друга, как говорится, хоть отбавляй. Он — активист общества «Знание», член художественного совета республиканского Дома народного творчества и организационного комитета, на который возложено проведение конкурса самодеятельного театрального искусства в честь 50-летия Советско-